

«Помни имя свое»: антропонимия и Великая Отечественная война

Е. В. Дианова

В статье рассматривается совокупность имен (антропонимия), возникшая в годы Великой Отечественной войны. Актуальность определяется исторической памятью народа, 80-летним юбилеем со дня полного снятия блокады Ленинграда и грядущим юбилеем Великой Победы. Цель состоит в том, чтобы проследить изменения личных именований в силу трагических обстоятельств военных лет. В качестве источников использованы воспоминания и документальные повести людей, прошедших суровые испытания. Это повесть Тамары Цинберг, пережившей блокаду Ленинграда. Это сведения о детском доме в Ташкенте, куда привозили эвакуированных малышей и давали им часто новые имена и фамилии. Это документальные свидетельства о детях, прошедших ад фашистских концлагерей и потерявших там родных матерей, но нашедших после войны приемных родителей и получивших от них новые имена. Это книга детской писательницы Агнии Барто, которая на протяжении многих лет вела передачу на радио «Маяк» по розыску детей и их родственников, разлученных во время войны. В данных изданиях нашлись сведения о людях, которые благодаря поискам не только встретились со своими родными, но и узнали свои личные именования, данные им от рождения.

Ключевые слова: антропонимия, имена, фамилии, Великая Отечественная война, поиск.

Для цитирования: Дианова Е. В. «Помни имя свое»: антропонимия и Великая Отечественная война // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 61–82. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_61. EDN: DNSPPP

Введение

Великая Отечественная война оказала большое влияние на повседневную жизнь людей, их судьбы, в том числе на их личные именные названия. Актуальность исследования определяется необходимостью сохранения исторической памяти народа, 80-летним юбилеем со дня полного снятия блокады Ленинграда и грядущей 80-летней годовщиной Великой Победы. Актуальность исследования можно рассматривать в рамках военно-исторической антропологии, с точки зрения «человеческого измерения войн», а именно сейчас военно-историческая антропология «востребована не только в научном, но в первую очередь в общественно-политическом контексте» [1, с. 51].

В изучение советской антропонимики большой вклад внесли В. Д. Бондалетов [2], В. А. Никонов [3], А. В. Суперанская [4], А. В. Суслова [5] и другие ученые. Их интересовали способы создания новых антропонимов и ономастические инновации в первые десятилетия советской власти, антропонимические процессы послевоенного периода. Об имяназвании во время Великой Отечественной войны упоминал В. А. Никонов в связи с модой на необычные имена-неологизмы, сохранявшейся даже в военные годы [6, с. 37]. Архивные материалы загсов, работавших в тыловой части страны в 1941–1944 гг., могут дать интересные сведения о наиболее популярных и редких именах, которые выбирались в то время для мальчиков и девочек.

Дети, появившиеся на свет на оккупированной врагом территории, возможно, записывались в приходские книги (в том случае, если в той местности была открыта церковь) или ставились на учет в комендатуре. Однако, как показывают исследования, оформление младенцев осуществлялось не везде. Так, в Витебске в период оккупации (11 июля 1941–26 июня 1944 гг.) прекратилась регистрация новорожденных и возобновилась только после освобождения в 1944 г. Органы ЗАГС Витебска сделали 958 актовых записей с выдачей свидетельств о рождении в период 1941–1944 гг. 487 мальчиков и 471 девочки. Для наречения 487 мальчиков использовано 65 имен, из них чаще всего встречались Виктор, Александр, Николай, Владимир [7, с. 92].

Научная концепция данного исследования исходит из влияния войны на все стороны жизни общества в целом и отдельного человека в частности, в том числе на такую сугубо приватную сфе-

ру, как личное именование (фамилия, имя, отчество). Научная новизна исследования состоит в осмыслении трансформации антропонимических процессов в русле военно-исторической антропологии, выявлении случаев изменения личных именований во время Великой Отечественной войны с учетом их реактуализации в послевоенный период. Цель работы состоит в том, чтобы проследить антропонимические процессы военных лет, когда происходила часто вынужденная (в силу различных обстоятельств) смена имен и фамилий. Для достижения цели следует найти примеры трансформации антропонимов и конкретные факты, подтверждающие смену личных именований взрослых и детей во время Великой Отечественной войны, случаи утраты, забывания (деактуализации) и возвращения (реактуализации) или невозвращения настоящих имен и фамилий.

В качестве источников использованы воспоминания участников войны, например, мемуары «Четыре года войны» Героя Советского Союза генерала армии А. С. Жадова [8]; записки бывших узников концлагерей «В фашистских застенках» [9] и свидетельства жителей Белоруссии, побывавших в Освенциме [10]. Нужно назвать очерк М. Самариной об узнице Аушвица Н. С. Гусевой, после войны принимавшей активное участие в поисках пропавших детей и восстановлении их имен [11], а также воспоминания о А. И. Хлебушкиной, директоре детского дома в Ташкенте, куда привозили малышей, получивших новые имена и фамилии вместо забытых ими именований [12]. Для выявления фактов имянаречения привлекались документальные повести С. А. Алексиевич «Последние свидетели: книга недетских рассказов» [13] и «Последние свидетели: соло для детского голоса» [14]. На основе журналистских расследований созданы произведения И. И. Ирошниковой, вошедшие в сборник «Избранное», в том числе повести «Здравствуйте, пани Катерина!» [15] и «Эльжуна» [16]. В них зафиксированы документальные свидетельства о детях, потерявших родных в фашистских концлагерях и взятых после освобождения приемными родителями. Важным источником стала книга Агнии Барто «Найти человека» [17] о поисках людей, разлученных во время войны, забывших или изменивших свои имена.

Следует упомянуть повесть «Седьмая симфония» [18] писательницы Тамары Цинберг, пережившей блокаду Ленинграда.

Использование художественной литературы и документальных повестей в качестве источника дает возможность выяснить мысли, чувства, переживания людей, связанные с их личными именованиями. Сухие делопроизводственные документы ЗАГС лишь фиксировали присвоение / изменение имени или фамилии, но не отношение их носителей к реактуализации прежних или присвоению новых антропонимов.

Важные историко-культурные маркеры содержат военные кинокартины, среди них фильм «Зимнее утро»¹ (1966), снятый по мотивам повести Т. С. Цинберг «Седьмая симфония», а также художественный фильм «Помни имя свое»² (1974), основанный на реальных событиях. Визуальные источники раскрывают некоторые обстоятельства, не получившие должного отражения в повествовательных текстах.

Обращением к различным источникам (документам личного происхождения, художественной литературе, кино) определило междисциплинарный характер исследования. В работе над статьей использовались общие и частные методы гуманитарных наук (исторический нарратив, историко-сравнительный метод; анализ визуальных источников; анализ художественных текстов с целью выявления именований, подвергшихся полному или частичному изменению).

Примеры присвоения новых фамилий в годы войны

Во время работы над статьей встречались примеры смены личных именований взрослых людей. В годы Великой Отечественной войны был один исключительный случай, когда поменять фамилию пришлось по инициативе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Генерал Алексей Семенович Жадов (до 25 ноября 1942 г. – Жидов), будучи командующим 66-й армии во время Сталинградской битвы, сменил фамилию по желанию И. В. Сталина.

В мемуарах «Четыре года войны» Герой Советского Союза генерал армии А. С. Жадов описал, как это произошло. Поздно вечером 24 ноября 1942 г. командующий фронтом К. К. Рокоссовский, заслушав доклад генерала Жидова по итогам боев

¹ «Зимнее утро» (1966) [Электронный ресурс]. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/45354/?utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 14.04.2023).

² «Помни имя свое» (1974) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/43118/?ysclid=ltcy9n58pa745172295> (дата обращения: 03.03.2024).

за прошедший день, сообщил тому, что «Васильев (псевдоним И. В. Сталина) очень доволен действиями 66-й армии», однако ему не понравилась фамилия Жидов. Сталин просил передать генералу его пожелание изменить фамилию и к утру 25 ноября 1942 г. доложить о своем решении.

Безусловно, «задача была поставлена непростая и необычная»: «Поменять фамилию, с которой родился, прожил почти полжизни!». Но для генерала «пожелание Верховного – больше, чем пожелание. Это приказ!».

Жидов рассказал о состоявшемся разговоре члену Военного совета генералу А. М. Кривулину и начальнику штаба генералу Ф. К. Корженевичу. После некоторого раздумья начальник штаба генерал Ф. К. Корженевич предложил сохранить фамилию в своей основе и заменить лишь букву «и» на букву «а». Его предложение пришлось Алексею Семеновичу по душе. В донесении, направленном утром 25 ноября 1942 г. командующему фронтом, он просил впредь его фамилию читать – Жадов. Через несколько дней Жадову вручили резолюцию Верховного Главнокомандующего: «Очень хорошо. И. Сталин» [8, с. 61].

Во время Великой Отечественной войны новые фамилии давали людям, потерявшим память и оставшимся без документов. Писатель В. А. Каверин служил военкором «Известий» на Севере. В романе «Наука расставания» (1983), основанном на подлинных событиях, происходивших на Северном флоте, изложил драму командира подлодки Александра Мещерского. Во время морского боя, когда подводную лодку немцы закидали бомбами, он был тяжело ранен, попал в плен, оказался в Норвегии. Боевой капитан подлодки потерял память и оказался человеком без имени и фамилии. Когда советские войска взяли город Киркенес, его переправили в госпиталь на Урал. В госпитале ему дали новую фамилию, имя и отчество – Неизвестный Павел Павлович [19].

Иные, новые именованья получали не только взрослые люди, но и дети. В блокадном Ленинграде работники комиссии по спасению малолетних детей, оставшихся по разным причинам без родителей, всех найденных ребят, не помнящих своих имен, оформляя, называли Наташами – девочек и Сашами – мальчиков. Может быть, поэтому имена Наташа и Саша так легко разошлись после войны по всей стране [20, с. 125].

В повести «Седьмая симфония» (1964) Тамары Цинберг описывается жизнь девочки Кати Никаноровой в блокадном Ленинграде в феврале 1942 г. Она осталась сиротой, отец погиб на фронте в ноябре 1941 г., мать умерла от голода. Дом, в котором она жила, был разбомблен. Управхоз Анна Васильевна в начале налета вражеской авиации передала Кате найденного в чужой пустой квартире мальчика и заставила ее вместе с ним спуститься в бомбоубежище. Дети спаслись, а Анна Васильевна погибла. Так Катя осталась с ребенком на руках, не узнав его имени и фамилии. Мальчика звали Митя Воронов, его мать, бросив дитя, уехала в эвакуацию по «дороге жизни» (в фильме «Зимнее утро» показано, что она погибла во время обстрела). Отец Алексей Воронов сражался на Ленинградском фронте, на Невской Дубровке.

После отбоя воздушной тревоги девочка обратилась в жилищную контору с просьбой подыскать им новое жилье. Она показала управхозу Антону Ивановичу свою метрику: «Никанорова, Екатерина Дмитриевна... Год рождения: Тысяча девятьсот двадцать восьмой. Двенадцатого числа... февраля месяца. Место рождения – Ленинград. Отец – Никаноров. Дмитрий Александрович. Мать... Никанорова. Елена Николаевна» [18, с. 34]. Когда управхоз Антон Иванович попросил «братнину метрику», «Катя смущенно опустила глаза и тут, прямо перед собой, увидела свою “Анну Каренину”, лежащую на столе. Быстро подняв голову и смело глядя на управхоза, она сказала уверенно: Его зовут Сережа.

Управхоз был далек от мысли, что тут что-нибудь неладно. Он спокойно писал, заглядывая в только что сделанную им запись.

– Так. Стало быть, Никаноров. Сергей Дмитриевич.

Год рождения – тысяча девятьсот тридцать девятый, – продолжал писать управхоз. – Какого числа?

– Что какого числа?

– Какого числа родился, ну, день рождения когда?

Катя молчала. Взгляд ее рассеянно скользил по грязным стенам, увешанным старыми плакатами, какими-то пожелтевшими объявлениями и сводками.

“Да здравствует Первое мая, международный праздник трудящихся!”. Этот старый порванный плакат, косо висящий как раз над головой управхоза – словно ободряющий оклик из далекого,

ясного, довоенного мира. Слова “Первое мая” были написаны на красном флаге.

– Первое мая, – сказала Катя неожиданно звонким голосом.

– Первого числа, – писал управхоз. – Мая месяца. Место рождения Ленинград. Отец... Так. Мать... Ну, вот и все, – заявил он с облегчением» [18; с. 35–36].

По новым документам Митя – Дмитрий Алексеевич Воронов – стал Сережей – Сергеем Дмитриевичем Никаноровым. В домовую книгу управхоз записал сведения о детях и выделил им комнату в пустой квартире в Новой Коломне.

В повести описывается случайная встреча Алексея Воронова с сыном в марте 1942 г. Воронов уехал из города еще до начала войны, в конце апреля 1941 г. Он «уехал в командировку, веселый, полный всевозможных планов, уверенный, что через два месяца он снова вернется в Ленинград. А через два месяца он уже воевал, уйдя на фронт в первый же день войны из Петрозаводска, где был в командировке» [18, с. 50].

Под звуки Седьмой симфонии Бетховена, доносившейся из уличного репродуктора, Алексей Воронов дошел до своего дома, но увидел только развалины. Вскоре начался обстрел. Воронова отвели под арку, где стояла Катя. Вместе они проходными дворами прошли к квартире, где их встретил мальчик Сережа (Митя). «Воронов положил свою большую руку на белокурую головку сына. Он не узнал его, да и не мог узнать. Больше года назад, уезжая в командировку, он оставил его толстым, веселым, румяным малышом. Сейчас перед ним стоял трехлетний, худой как щепочка, мальчик, вовсе не похожий на того пухлого малыша. А главное – ведь он был уверен, что ребенок его погиб» [18, с. 91]. В финале фильма «Зимнее утро» перед отправкой на фронт Воронов узнает в малыше Сереже своего сына по произнесенной им домашней присказке: «Митя – Митрий – Дмитрий хитрый»¹.

В пьесе «В день свадьбы» Виктора Розова приводится пример, как давали фамилии ленинградским детям, потерявшим родителей. Главный герой пьесы Михаил Заболотный, отвечая на вопрос: «А фамилия твоя от кого пошла, не знаешь?», говорит: «Из Ленинграда нас в сорок втором вывезли. Нас,

¹ «Зимнее утро» (1966) [Электронный ресурс]. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/45354/?utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 14.04.2023).

говорят, когда из Ленинграда вывозили, бомбили сильно, поубивали много. А кто остался, лесами да болотами выводили. Четырнадцать детей, говорят, осталось. Нашли за болотами без единого взрослого, поубивало их. Так всех нас и окрестили Заболотными» [21, с. 344].

В 1942 г. группу изможденных детей-сирот из блокадного Ленинграда, приняла заведующая детским домом № 22 города Ташкент Узбекской ССР Антонина Ивановна Хлебушкина (1914–1995). В детском доме № 22 воспитывалось более 4 тысяч детей сорока национальностей. Каждого ребенка Антонина Ивановна знала по имени. «Сколько добра должна была излучать эта женщина, сколько силы и душевного тепла, чтобы согреть множество осиротевших детских сердец!» [12, с. 90].

Воспитанники детского дома называли ее мамой. Более сорока малолетних сирот взяли фамилию А. И. Хлебушкиной. Антонина Ивановна Хлебушкина награждена орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалями. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1987 г., за большие заслуги в коммунистическом воспитании, обучении, гражданском становлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ей присвоено звание Герой Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Член Президиума Правления Советского детского фонда имени В. И. Ленина, Заслуженный учитель школы Узбекской ССР, Лауреат премии Ленинского комсомола (1986), Лауреат Международной Премии и золотой медали имени Льва Толстого Советского детского фонда имени В. И. Ленина (1987)¹.

Потерявшихся детей находили в поле, в лесу, на дорогах, среди развалин разрушенных домов. Агния Барто в книге «Найти человека» рассказывает: «Во время наступления наши бойцы отбили у врага деревню. Там ни одной живой души. Все сожжено и разрушено. Уцелел только один дом. Он стоит целехонек, бросается в глаза среди пожарища. Группа бойцов устремляется в дом. В полупустой комнате на полу, привязанная к ножке стола, сидит девочка лет трех. Она почти без сознания. Бойцы бросаются к ней, хотят освободить ее, взять на руки.

¹ Герой Социалистического Труда Хлебушкина Антонина Ивановна [Электронный ресурс]. URL: https://war-heroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=13189 (дата обращения: 14.04.2023).

– Стой! Она заминирована! – раздается крик. Минер опытным глазом увидел провода ...

Девочку спасли. Солдаты дали ей имя и фамилию – Мария Минина. И отправили ее в тыл» [17; с. 248–249].

Найденные чужими людьми совсем маленькие дети не могли сказать, где и когда родились, как зовут их родителей. Таких детей, «испуганных, растерянных приводили в детские приемники, и часто они даже фамилию свою не могли назвать» [17, с. 8]. Жительница Москвы, бывшая воспитанница детского дома, помнила, где ее нашли, как она получила свою фамилию:

«Подобрали меня в Москве на Северном вокзале.

– Как зовут? – спросили в детдоме.

– Мариночка.

– А фамилия?

– Фамилии не помню...

Записали Марина Северная» [14; с. 69–70].

Агния Барто в книге «Найти человека», написанной на основе реальных фактов, приводит немало примеров имянаречения. Так, на радиостанцию «Маяк» пришло «невероятное письмо от Анны Карениной: “Я, Каренина Анна Аркадьевна, была найдена в Харькове, воспитывалась в детском доме...”. Видимо, какой-то не в меру рьяный любитель литературы дал девочке полное имя героини романа Толстого» [17, с. 30].

Удивительна судьба Народной артистки Российской Федерации (1998) Нины Ивановны Руслановой (1945–2021). В конце зимы 1945/1946 года в городе Богодухове была найдена двухмесячная девочка, определенная в детский дом. Возможно, там ей дали имя Нина в честь святой равноапостольной Нины (день ангела – 27 января). Отчество Ивановна тоже дали в детском доме. Фамилию Русланова дала ей инспектор детских домов Харьковской области. Сама Нина Ивановна вспоминает этот эпизод: «Пришла инспектор детских садов, такая, очень уважаемая, великая женщина, очень солидная такая, с большой коробкой шоколадных конфет. Я их, конфеты, до того не пробовала, даже не видела таких, да и после этого она, коробка, тут же исчезла, я даже попробовать не успела. Потом она меня спрашивает: «Девочка, как тебя зовут?», я отвечаю на украинском (я разговаривала тогда только на украинском): «Ніна», – «А фамилия у тебя какая?», – «Не знаю, немає в мене

фамилии», – «Вот запомни, девочка, что фамилия у тебя теперь будет Русланова, есть такая известная певица». И я думаю, – продолжает Нина Ивановна, – что это её дар, талант ее (Руслановой) передался мне по жизни... День рождения – 5 декабря 1945 года (среда) – выбрала также сама, поскольку в СССР это был выходной день – День Сталинской Конституции, в который устраивались импровизированные концерты и в детском доме относительно вкусно кормили»¹.

Основой присвоения новых имен и фамилий воспитанникам детдомов подчас являлись случайные факты: место обретения потерявшихся детей (вокзал), особенности местности. Нередко дети получали фамилии известных людей или заведующих детскими учреждениями, героев литературных произведений.

«Помни имя свое»

В заголовок статьи включено название фильма «Помни имя свое» (1974) режиссера Сергея Колосова, снятого на киностудиях «Мосфильм» (СССР) и «Иллюзион» (ПНР). В основу фильма положена реальная, полная драматизма история русской женщины, разлученной в Освенциме со своим малышом. Пройдя через все муки фашистского ада, она, наконец, находит сына, которого спасла польская женщина². Главная героиня фильма Зинаида Воробьева (в исполнении Людмилы Касаткиной) в лагере постоянно напоминала маленькому сыну: «Запомни, тебя зовут Гена Воробьев, твоя Родина – Советский Союз!». Однако детей насильно разлучили с матерями. Пребывая в полной неизвестности, мать считала своего сына погибшим. Спустя 20 лет она увидела по телевизору кинохронику об освобождении узников концлагеря Освенцим, в кадрах документального фильма среди детей она узнала своего сына Гену.

Действительно, в одном городе имел место случай, когда «в кинотеатре показывали давнюю кинохронику – кадры, заснятые сразу же после освобождения Освенцима Красной Армией. В полосатой арестантской одежде, накрываясь рваниной от жгучего январского ветра, за браму – ворота – лагеря выходили полуживые люди. Поддерживали друг друга. Несли на носилках

¹ Нина Русланова [Электронный ресурс]. URL: <https://ulin.ru/art/actor/lead/nina-ruslanova/> (дата обращения: 03.03.2024).

² «Помни имя свое» (1974) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/43118/?ysclid=ltcy9n58pa745172295> (дата обращения: 03.03.2024).

тех, кто не мог идти. Шли дети. Все уже пережившие, безразличные ко всему. Шли! И, глядя в притихший, настороженный полумрак зрительного зала, привычно, на ходу обнажали ручки с выколотыми на них номерами...» [15, с. 279].

И вдруг в зале раздается «отчаянный женский вскрик. Вырвавшись из рядов, выбегает к экрану женщина (Зинаида Чивилева). Протягивает к экрану руки, будто хочет остановить, удержать... Так среди освобожденных детей Освенцима Чивилева увидела свою Людочку. Механик четыре раза подряд прокручивал эти кадры. Четыре раза подряд проходили перед зрительным залом дети. И Людочка Чивилева среди них. Четыре раза видели зрители, как в следовавшем за этим кадром Людочку уносила советская медсестра...» [15; с. 279–280].

При съемках фильма «Помни имя свое» режиссеру С. Н. Колосову неоценимую помощь оказала Надежда Тимофеевна Цветкова. Ее муж, бывший работник Минского горкома партии и подпольщик, погиб в минской тюрьме гестапо, а в 1942 г. за связь с минским подпольем была арестована и сама Цветкова. В декабре 1943 г. ее отправили вместе с другими заключенными тюрьмы гестапо в Освенцим (Аушвиц). При эвакуации лагеря в Германию 23 января 1945 г. Цветковой удалось бежать. В польском местечке Горный Ящемб ее спрятала крестьянка Анна Кочур. 24 марта 1945 года туда вошли советские войска [9; с. 105, 110]. После окончания войны Н. Т. Цветкова вернулась в Минск, нашла своих дочерей, написала воспоминания «900 дней в фашистских застенках», впервые изданные вместе с записями Зинаиды Лишаковой «В аду Освенцима» в 1953 г. Н. Т. Цветкова стала заниматься поиском бывших узниц и их детей. Некоторые малолетние узники даже с измененными именами и фамилиями находили своих родственников.

Большую работу по розыску детей проводила учительница Нина Савельевна Гусева. Она прошла через немецкий плен и каторжные работы в нацистских концлагерях Аушвиц – Биркенау и Равенсбрюк. В Освенциме Н. С. Гусева спасла одну девочку от неминуемой смерти. Это была Людочка Безлюдова, «крохотная девчущка, такая прозрачная от истощения, что казалось, просматривались косточки». В лагере «спала Людочка на нарах вместе с Ниной Савельевной» [16, с. 35]. После войны Н. С. Гусевой «хотелось ее найти, чтоб уж больше не разлучаться». И вот

когда Людмила отыскалась, она подарила ей фотографию. «Девичье милое лицо. На обороте надпись: «Дорогой и любимой тете Нине» и дата – июль 1962 года» [16, с. 34]. В Польше девочка из Белоруссии обрела новое имя и другую фамилию – Хана Косиньская. А «в 1963 году девушка разыскала в Орше свою мать, братьев и сестер, с которыми была разлучена в Майданеке, (отца малышки казнили в Борисове), но Людмила Безлюдова (Хана Косиньская) все же осталась в Польше» [11].

Истории возвращенных детей родным матерям широко освещались в прессе. Каждая – отдельный случай, который дарил надежду тем, кто долгие годы не мог найти родных людей. Так, жительница Минска Зинаида Георгиевна Муравьева, бывшая узница Освенцима, еще в 1953 г. обратилась за помощью к Н. Т. Цветковой с просьбой найти ее сына Геннадия Павловича Муравьева. В 1943 г., когда за связь с партизанами их вывезли с Витебщины в Освенцим, ему было всего четыре годика, на его ручке был выбит номер 149850 [10, с. 257].

В 1963 г. Зинаида Георгиевна Муравьева встретила с Людмилой Безлюдовой, теперь уже Ханной Косиньской, и попросила помочь отыскать ее Гену. После встречи, посвященной 20-летию освобождения Освенцима, Людмила написала З. Г. Муравьевой, что встретила в Польше молодого человека по имени Эугениуш Грущинский, на руке которого был выбит номер 149850. И восьмерка, как она и говорила, выбита криво. За эти 20 лет, что З. Г. Муравьева вела поиски, ее сын Геннадий Муравьев, теперь уже Эугениуш Грущинский, вырос, получил образование, стал доктором наук, а его мать Зинаида Георгиевна Муравьева воспитала в Минске дочерей умершей сестры [22]. Эта история была положена в основу фильма «Помни имя свое».

Поискам по лагерному номеру разлученной с матерью девочки посвящена документальная повесть И. И. Ирошниковой «Здравствуйте, пани Катерина!». В 1960-е гг. по польскому радио передали письмо Катерины Романовны Климушиной, белорусской женщины, которая с малолетними детьми стала узницей концлагеря Освенцим. Она разыскивала свою утерянную дочь Татьяну, на руке у которой был выколот номер 77362. Передачу услышала жительница Кракова Кристина Станкевич, у ее приемной дочери Зоси на руке имелся тот же номер, но письмо,

которое Зося услышала по радио, «оказалось для нее очень тяжелым переживанием» [15; с. 336, 337].

Сначала семьи обменялись письмами. Письмо Зоси начиналось словами: «Здравствуйте, пани Катерина!». Через некоторое время Зося и Кристина Станкевич приехали в Советский Союз на встречу с родственниками в город Оцк (Полоцк?). Брат Анатолий «все не может привыкнуть к тому, что сестренку его теперь называют Зосей. И упорно зовет ее, как в детстве – Татьянкой». Катерина Романовна испытывала к Кристине «сложное чувство». Конечно, «ей она обязана тем, что Татьяна ее жива. Попади ее дочка после Освенцима в другие руки, не в материнские руки Кристины, может, и не осталась бы жива» [15, с. 227]. Однако трудно было осознать, что для ее родной дочери Татьяны матерью стала совершенно чужая женщина, но для Кристины Станкевич «Зося – Зофия Станкевич – гражданка Польской Народной Республики – единственное, нежно любимое дитя» [15, с. 378].

По лагерному номеру был найден еще один малолетний узник Освенцима – Лютик (Луцеев) Степан Васильевич (1940 г. р.). Он, как и многие его земляки из Грязи Куринского сельсовета, за связь жителей деревни с партизанами был схвачен гитлеровцами и брошен за колючую проволоку. В Освенциме он получил татуировку с номером 149743. Мать сожгли в крематории, отец погиб на фронте. От верной гибели мальчика спасли двоюродные братья Петр и Леонид Кобелевы. Детей переводили из одного лагеря в другой, сначала из Освенцима в Потулице, где надзирательница не могла правильно выговорить его фамилию и вместо «Луцеев» произносила «Лютик». Потом малышкой перевезли в лагерь Константынув-Тухинген. В списках малолетних узников, а затем в списке воспитанников киевского детского дома Степан Луцеев значился под фамилией Лютик. Вернувшиеся на родину братья Кобелевы решили отыскать брата, однако поиски были безрезультатными до тех пор, пока им кто-то не подсказал искать брата по лагерному номеру. И через некоторое время Степан Лютик (Луцеев) откликнулся [15; с. 233–235].

В Государственном музее в Освенциме хранилась картотека с именами и фамилиями детей, получивших приют в польских семьях в Шленске, в Забже или Катовицах. Например, карточка: «Анджей П. Год рождения (условно) 1938-й. Студент строительного техникума в Варшаве. Воспитывался в шахтерской семье.

На этой карточке от руки была сделана маленькая приписка: «Настоящее имя Николай. Фамилия – Кузнецов. Русский. В Советском Союзе отыскалась мать». Или вот другая карточка: «Галина Марцыняк. В Освенциме ей было два года (условно). Воспитывалась в детдоме. Работает в лаборатории химического завода Освенцима. И снова приписка от руки: «Настоящее имя и фамилия Анна Калманок. Из Белоруссии. В Советском Союзе отыскалась мать»» [14; с. 390–391].

Как видим, набирается много примеров, когда советские дети из концлагерей попадали в польские семьи, где им давали другое имя и другую фамилию. Так, Людмила Бочарова (1940 г. р.) до ареста жила вместе с матерью и старшей сестрой Светланой у бабушки в деревне Прыбытки недалеко от Витебска. Из-за подозрения в связи с партизанами фашисты задержали всех жителей деревни и заключили в витебскую тюрьму. Там сестру Светлану застрелили на глазах у матери. 4 декабря 1943 г. узников тюрьмы повезли в вагонах для скота в Освенцим. В лагере Людочка получила номер 70072, ее мать – 70071. Девочка видела свою мать в последний раз в лагере 18 января 1945 г., когда ее вместе с другими заключенными женщинами отправили на «марш смерти». Сразу после освобождения из лагеря бездетная супружеская пара Рудзиковских удочерила девочку. Теперь ее стали звать Лидия Рудзиковская (Рыдзиковская) [10, с. 118].

Работник Государственного музея в Освенциме сомневался в правомерности поисков, задавая себе и советской журналистке вопрос: «Надо ли рушить семьи, как-то уже сложившиеся?! Они столько пережили, эти дети. Так имею ли я право вновь возвращать их к прошлому? Вот, например, Станкевич Зося?! Это как раз такой случай, пани. Это нелегкий случай. Вы знаете, было бы много лучше, когда бы она ничего не знала. Когда бы все оставалось, как было...» [15, с. 392]. Здесь зафиксирована серьезная проблема выхода человека из войны, преодоления проявлений «посттравматического синдрома» [1, с. 48]. Тем не менее, многие дети войны, становясь взрослыми, начинали задумываться: «Кто я?», «Откуда?», «Где и когда родился?», «Кто были мои родители?». Они тоже просили: «Помогите найти!» [15, с. 390]. В поисках родных им помогло всесоюзное радио.

«Найти человека»

После окончания Великой Отечественной войны бывшие малолетние узники фашистских концлагерей и воспитанники детских домов стали обращаться в Бюро розыска Исполнительного комитета Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца с просьбой найти родственников. В 1965–1973 гг. писательница Агния Львовна Барто на радиостанции «Маяк» вела передачу по розыску пропавших во время войны детей и родителей. О своих поисках Агния Барто написала документальную повесть «Найти человека» (1968). В 1973 г. режиссер Михаил Богин по сценарию Агнии Барто на киностудии имени М. Горького снял фильм «Ищу человека».

13 числа каждого месяца Агнии Барто зачитывала приходившие на радио «Маяк» письма. Их авторы с надеждой обращались к ведущей радиопередачи:

«Если вы мне не поможете, обращаться мне больше некуда... Мама, которая меня воспитывала, взяла меня из Омского распределителя в 1942 году. Ей дали справку, что я – Петрова Зоя, год рождения 1940-й. В эшелон эвакуированных меня отдали партизаны, они нашли меня в лесу Курской области, я была завернута в одеяло. Я не знаю, откуда взялись имя и фамилия, может быть, это мои настоящие, а может быть, нет. Мама рассказывает, что, в отличие от всех детей, я была полненькая, только большой живот. Волосы светлые, глаза голубые, на левом виске большая черная родинка. Мама говорит: “Я тебя взяла в нашу семью потому, что все мои трое детей считались некрасивыми, я хотела, чтобы ты не отличалась от нас, а потом ты взяла, да и стала красивой”. Но это ее слова, красоты за мной не водится. Когда мама меня взяла, я почти не разговаривала. Что она помнит из моей речи, это “хотца пит”. Это я так просила пить (какой-то акцент, не то вятский, не то белорусский)... Милиция не может искать, говорят, нужна точная фамилия... Очень вас прошу, помогите мне найти моих родителей, я все постараюсь сделать, что вы скажете, если нужно, я сама приеду...» [17; с. 114–115].

Трудность поиска состояла в том, что маленькие дети почти ничего не помнили о себе. После гибели матери на глазах дочери кто-то из солдат спрашивал ее: «”Девочка, как тебя зовут?”. А я забыла...” Девочка, а как твоя фамилия? Как зовут твою маму?» Я не помнила...» [14, с. 7].

В детских домах дети получали новые имена, отчества и фамилии. Довольно часто среди них встречались Бесфамильные, Неизвестные, Непомнящие... Так, в сборнике детских воспоминаний о войне «Последние свидетели» есть запись: «В нашем детдоме собралось одиннадцать Тамар... Фамилии у них были: Тамара Неизвестная, Тамара Незнакомая, Тамара Безымянная, Тамара Большая, Тамара Маленькая» [13, с. 52].

В одном детском доме сохранилась единственная запись: «Неизвестная Нелли. Отец на фронте, мать неизвестна». Потому четырехлетней девочке дали фамилию Неизвестная. Но Нелли помнила, как звали ее младшего брата – Роман, как на железнодорожной станции она вместе с матерью бежала под страшной бомбежкой. В 1964 г. Агния Барто зачитала письмо Нелли по радио, передачу услышали ее родители из Феодосии и послали телеграмму в Москву: «Нелли наша дочь. Семья Ферштер». При воссоединении с родными (через 23 года после начала войны) оказалось, что Нелли Неизвестную на самом деле зовут Мэри Ферштер [17; с. 41, 42].

Студентка Нина Неизвестная сохранила в памяти некоторые «мелочи» детских воспоминаний. Однако даже скудных сведений хватило, чтобы родственники признали ее своей. В одной из передач на радио «Маяк» Агния Барто объявила розыск родных девушки с фамилией Непомнящая, которая и впрямь ничего о себе не помнила, кроме имени своего отца – Григорий, поэтому в детском доме ей дали отчество Григорьевна. По радио прочитали ее письмо с отрывочными детскими воспоминаниями, и через некоторое время нашлись ее родные. Также благодаря радиопередаче Юрий Неизвестный, потерявшийся во время войны, обрел свою настоящую фамилию Кузьмин и родную мать, которая написала Агнии Барто: «Неизвестный Юрий оказался мой сын Юрий Кузьмин, которого я потеряла в первый день войны около города Гродно, когда садилась в машину и началась бомбежка» [17, с. 251].

Анатолий Неизвестный ребенком потерялся в Москве. На Белорусском вокзале он залез под скамейку и заснул. Разбудил его милиционер, спросил имя, фамилию. Мальчик растерялся, не мог назвать себя. В детском приемнике записали: «Неизвестный Анатолий». Потом он вспомнил фамилию отца Витер и имена всех своих братьев и сестер, что помогло найти род-

ственников. Потом оказалось, что настоящая фамилия Анатолия не Неизвестный и не Витев, а Лялюшка, а вся его семья до и после войны проживала в деревне Попелёвка (Брянская область) [17, с. 216]. Во всех случаях девушки и парни, обретшие родственников, имели совсем другие фамилии.

Анастасия Ивановна Королева во время войны была в Освенциме с тремя дочерьми, одна из них там погибла, вторая – Люда нашлась после войны, третья – Шура потерялась после освобождения из лагеря. Но случилось так, что через несколько лет после войны мать увидела кинохронику «Освобождение Освенцима» и узнала на экране свою дочь. Она написала письмо Агнии Барто: «Вам пишет мать, попавшая в концлагерь. Одну мою дочь сожгли в печах Освенцима. Двадцать лет ищу вторую дочь, Шуру Королеву. У нее на левой ручке, ниже локтя выжжен номер 77325». Однако поиски оказались неудачными. Появляющиеся девушки по имени Шура с фамилией Королева не были дочерью А. И. Королевой из Витебска [17, с. 100].

После первой публикации повести «Найти человека» в журнале «Знамя» (1968) на радио «Маяк» пришла телеграмма из города Бельцы (Молдавия). В ней сообщалось: «Мать Королева ищет свою дочь Шуру с клеймом на левой руке, но первая цифра не совсем ясна остальные четыре сходятся. Имя мое Шура фамилии своей не знала, очень прошу: сообщите, что делать, сил нет ждать. А. Смышникова» [17, с. 269].

Агния Барто сообщила о телеграмме в Витебск. После переписки и телефонных переговоров А. И. Королева с Людмилой поехали в Молдавию на встречу с Шурой, их дочь и сестрой. Каким образом Шура попала из Освенцима в Бельцы, рассказала ей медсестра Любовь Алексеевна Хозяина: «Мы с мужем были участниками освобождения Освенцима. Вас взял один солдат. Такими глазами смотрели на нас и просили не оставлять, что никто не мог устоять против этого ... Вы остались со мной в части... Окончилась война, и нашу часть направили в Молдавию, в Бельцы. Фамилию вашу никто не знал, и когда мы вас устраивали в детский дом, вам дали фамилию Победа». Потом Шуру удочерили, и она получила другую фамилию Смышникова [17; с. 271–272].

В письмах, приходивших на радио «Маяк», как и в воспоминаниях детей войны, «забвение собственного имени или

фамилии – одно из самых частых признаний». Немногие из собеседников связывали «напрямую невозможность вспомнить свое имя с потерей родителей, его давших. Для многих, однако, утрата имени стала свидетельством несостоявшейся жизни, знаком отсутствия некоей основополагающей, исходной точки отсчета. Новое – “ненастоящее” – имя утрату не восполнило, а лишь усилило. Последующая жизнь в итоге оказалась жизнью без родства и без начала. На поиски начала, впрочем, решались лишь единицы. Кто-то боялся узнать подробности, откладывая на десятки лет встречу с воспитателями своих детдомов. Кто-то, узнав позднее свое “настоящее” имя, так и не смог приучить себя на него откликаться» [23]. Так, Елена Кравченко через 25 лет после войны нашла вою родную тетю. Она сказала ей ее настоящее имя, а та «долго не могла к нему привыкнуть, не откликнулась...» [13, с. 61]. Реактуализация имен, данных от рождения, зачастую вызывала отторжение, потому что люди считали свои новые именованья единственными. Даже если они догадывались или только предполагали, что у них могли быть ранее иные имена, им не хотелось их вспоминать, так как это провоцировало острые переживания, вызванные обращением к трагическим событиям военных лет.

Обсуждение и выводы

Изученные материалы позволили выявить различные примеры присвоения нового именованья как детей, так и взрослых в годы Великой Отечественной войны. Новое имянаречение взрослых людей обусловлено последствиями трагических событий и происшествий, вызвавших амнезию в результате тяжелого ранения или контузии. У детей (особенно малышей) забвение личных имен происходило на грани жизни и смерти. Во время налета вражеской авиации, когда родители погибали, и детей подбирали на дорогах, в развалинах домов для эвакуации из прифронтовой полосы или блокадного Ленинграда. На оккупированной территории каратели уничтожали целые семьи, но родственники пытались спрятать детей, их потом находили партизаны или советские солдаты. В нацистских концлагерях детей, насильно отлученных от матерей, переводили в другие лагерные пункты. Во многих случаях от ужаса потрясений, недетского горя, стресса, истощения ребятишки

часто не могли вспомнить, как их зовут, или же произносили имя не очень четко. Воспитатели детских домов присваивали воспитанникам новые имена и фамилии. Зачастую и ребенок, взятый приемными родителями, тоже получал иное имя и фамилию усыновителей.

В 1960-е годы проводилась работа по розыску потерявшихся в годы войны людей. Матери искали детей, выросшие дети – матерей или кого-нибудь из родственников. Поиски осложнялись тем, что у многих детей, попавших в детдома или другие семьи, произошли утрата, забывание (деактуализация) или смена имен и фамилий. Лагерные номера, выжженные на детских ручках, отрывки воспоминаний довоенного детства, известные только близким родственникам случаи из жизни, домашние прозвища помогали сделать поиск родных успешным. Нередко возникала другая проблема: люди, выросшие под чужими именами, не могли осознать, что их зовут иначе. Реактуализация прежних антропонимов, возвращение настоящих имен, отчеств и фамилий нередко вызывали у их носителей глубокие потрясения, что было проявлением посттравматического синдрома, эхом страшной войны.

Список литературы

1. Сенявская Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Т. 45. – № 8. – С. 46–54. EDN: NVAQLG.
2. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
3. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1988. 278 с.
4. Суперанская А. В. Имя через века и страны. М.: ЛКИ, 2007. 192 с.
5. Суперанская А. В. Суслова А. В. О русских именах. СПб.: Авалонь, 2007. 304 с.
6. Никонов В. А. Ищем имя. М.: Советская Россия, 1988. 128 с.
7. Скрбнева Т. В. Антропонимная специфика Витебско-Смоленского приграничного ареала (на материале мужских именников) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Языкознание. – 2013. – № 2. – С. 92–96.
8. Жадов А. С. Четыре года войны. М.: Воениздат, 1978. 334 с.
9. В фашистских застенках: записки. Минск: Государственное издательство БССР, 1961. 277 с.
10. Борисова А. В., Козак К. И., Стучинская Г. Л. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси. Минск: Літаратура і Мастацтва, 2012. 400 с.
11. Самарина М. Узница Аушвица под номером 40156. URL: <https://proza.ru/2019/08/02/1091?ysclid=ltedfop17o389068109> (дата обращения: 03.03.2024).

12. Рубина Д. И. Одинокий пишущий человек. М.: Эксмо, 2020. 512 с.
13. Алексиевич С. А. Последние свидетели: книга недетских рассказов. М.: Молодая гвардия, 1985. 175 с.
14. Алексиевич С. А. Последние свидетели: соло для детского голоса. М.: Время, 2008. 303 с.
15. Ирошникова И. И. Избранное. М.: Советская Россия, 1986. 558 с.
16. Ирошникова И. И. Эльжуня: сборник. М.: Советская Россия, 1974. 156 с.
17. Барто А. Л. Найти человека. М.: Советский писатель, 1975. 281 с.
18. Цинберг Т. С. Седьмая симфония: повесть. СПб.; М.: Речь, 2017. 144 с.
19. Каверин В. А. Наука расставания. М.: Современник, 1985. 208 с.
20. Кторова А. Сладостный дар, или Тайна имени и прозвищ. М.: Гамма Пресс, 2002. 206 с.
21. Розов В. С. В добрый час: пьесы. М.: Советский писатель, 1978. 598 с.
22. Осмоловский А. Судьбы прототипов фильма «Помни имя свое» // Комсомольская правда. – 2021. – 7 мая. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27273/4408349/> (дата обращения: 03.03.2024).
23. Ушакин С. Осколки военной памяти: «Все, что осталось от такого ужаса?» // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 5. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/oskolki-voennoj-pamyati-vse-chto-ostalos-ot-takogo-uzhasa.html> (дата обращения: 03.03.2024).

"Remember Your Name": Anthroponymy and the Great Patriotic War

Elena V. Dianova

The article examines a set of names (anthroponymy) that arose during the Great Patriotic War. Relevance is determined by the historical memory of the people and the 80th anniversary of the complete lifting of the siege of Leningrad and the upcoming anniversary of the Great Victory. The goal is to trace changes in personal names due to the tragic circumstances of the war years. Memoirs and documentary stories of people who went through severe trials were used as sources. It is the story of Tamara Tsinberg, who survived the siege of Leningrad. It is information about an orphanage in Tashkent, where evacuated children were brought and often given new names and surnames. It is documentary evidence of children who went through the hell of fascist concentration camps and lost their mothers there, but who found adoptive parents after the war and received new names from them. It is a children's writer Agnia Barto' book, who for many years broadcasted a program on Mayak radio on the search for children and their relatives separated during the war. These publications contained information about people who, thanks to searches, not only met their relatives, but also learned their personal names given to them from birth.

Key words: anthroponymy, names, surnames, Great Patriotic War, search.

For citation: Dianova, E. V. (2024) «Pomni imya svoe»: antroponimiya i Velikaya Otechestvennaya vojna [«Remember Your Name»: Anthroponymy and the Great Patriotic War]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 2. Pp. 61–82. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_61. EDN: DNSPPP

References

1. Senyavskaya, E. S. (2023) *Voennaya antropologiya v novykh istoricheskikh usloviyakh* [Military anthropology in new historical context]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. No. 45 (8). Pp. 46–54. (In Russ.)
2. Bondaletov, V. D. (1983) *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. Moscow: Education. (In Russ.)
3. Nikonov, V. A. (1988) *Imya i obshchestvo* [Name and society]. Moscow: Science. (In Russ.)
4. Superanskaya, A.V. (2007) *Imya cherez veka i strany* [Name through centuries and countries]. Moscow: LKI. (In Russ.)
5. Superanskaya, A. V. Suslova, A. V. (2007) *O russkikh imenakh* [About Russian names]. St. Petersburg: Avalon. (In Russ.)
6. Nikonov, V. A. (1988) *Ishchem imya* [Looking for a name]. Moscow: Soviet Russia. (In Russ.)
7. Skrebneva, T. V. (2013) *Antroponimnaya specifika Vitebsko-Smolenskogo prigranichnogo area-la (na materiale muzhskikh imennikov)* [Anthroponymic specificity of the Vitebsk-Smolensk border area (based on the material of male names)]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki. Yazykoznanie* [Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities. Linguistics]. No. 2. Pp. 92–96. (In Russ.)
8. Zhadov, A. S. (1978) *Chetyre goda vojny* [Four years of war]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
9. *V fashistskikh zastenках: zapiski* (1961) [In fascist dungeons: notes]. Minsk: State Publishing House of the BSSR (In Russ.)
10. Borisova, A. V., Kozak, K. I., Stuchinskaya, G. L. (2012) *Lager' smerti Osvencim: zhivye svidetel'stva Belarusi* [Auschwitz death camp: living evidence of Belarus]. Minsk: Literature and art. (In Russ.)
11. Samarina, M. (2019) *Uznica Aushvica pod nomerom 40156* [Prisoner of Auschwitz number 40156]. URL: <https://proza.ru/2019/08/02/1091?ysclid=ltd3v5bha6465250445> (In Russ.) (date of access 03/03/2024)
12. Rubina, D. I. (2020) *Odinokij pishushchij chelovek* [Lonely writing person]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
13. Alexievich, S. A. (1985) *Poslednie svideteli: kniga nedetskikh rasskazov* [The Last Witnesses: a book of non-children's stories]. Moscow: Young Guard. (In Russ.)
14. Alexievich, S. A. (2008) *Poslednie svideteli: solo dlya detskogo golosa* [The Last Witnesses: solo for children's voice]. Moscow: Vremya (In Russ.)
15. Iroshnikova, I. I. (1986) *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow: Soviet Russia. (In Russ.)
16. Iroshnikova, I. I. (1974) *El'zhunya: Sbornik* [Elzhunya: Collection]. Moscow: Soviet Russia. (In Russ.)
17. Barto, A. L. (1975) *Najti cheloveka* [Find a person]. Moscow: Soviet writer. (In Russ.)
18. Tsinberg, T. S. *Sed'maya simfoniya: povest'* [The Seventh Symphony: a story]. St. Petersburg; Moscow: Speech. (In Russ.)
19. Kaverin, V. A. (1985) *Nauka rastavaniya* [The science of parting]. Moscow: Sovremennik. (In Russ.)
20. Ktorova, A. (2002) *Sladostnyj dar, ili Tajna imeni i prozvizhch* [Sweet gift, or the Mystery of the name and nicknames]. Moscow: Gamma Press. (In Russ.)
21. Rozov, V. S. (1978) *V dobryj chas: p'esy* [Good time: plays]. Moscow: Soviet writer. (In Russ.)
22. Osmolovsky, A. (2021) *Sud'by prototipov fil'ma «Pomni imya svoe»* [The fate of the prototypes of the film "Remember Your Name"]. *Komsomol'skaya pravda* [Komsomolskaya Pravda]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27273/4408349/> ltd3v5bha6465250445 (In Russ.) (date of access 03/03/2024)
23. Ushakin, S. (2008) *Oskolki voennoj pamyati: «Vse, chto ostalos' ot takogo uzhasa?»* [Fragments of military memory: "All that remains of such horror?"]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. No. 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/oskolki-voennoj-pamyati-vse-chto-ostalos-ot-takogo-uzhasa.html> (In Russ.) (date of access 03/03/2024)

Об авторе

Дианова Елена Васильевна, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры Отечественной истории, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Российская Федерация; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7661-5181

About the author

Dianova Elena V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of National History, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7661-5181

Статья поступила в редакцию 14.03.2024
Одобрена после рецензирования 14.04.2024
Принята к публикации 27.04.2024